

ДУХОВНОСТЬ КАК ПРАВСТВЕННОЕ УСИЛИЕ В МИРЕ ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ВРЕМЕНИ

А.В. Зуев

Одной из важнейших особенностей бытия современного человека, становящейся мировоззренческой проблемой, является нахождение его в среде множественных информационных реальностей, каждая из которых развивается на основе собственных закономерностей, в том числе и темпорально-временных. Если в эпоху индустриализма и постиндустриализма речь шла о чрезмерном ускорении человеческой жизни в связи с усовершенствованием и оптимизацией процессов производства и потребления, то эпоха знаково-информационной цивилизации усугубляет сверхскоростные требования, предъявляемые человеку, еще и временной разнонаправленностью. Актуальной в такой ситуации становится проблематика понятийного и методологического определения разнообразных измерений человеческой бытийственности, в том числе духовности и нравственности, с точки зрения необходимого пребывания человека в среде информационно-временной разнонаправленности.

Понятийно-методологическая задача исследования состоит в том, чтобы определить возможности детерминации и теоретического использования таких понятий, как духовность, нравственность, свобода, творчество, личность, в условиях современной цивилизации, ключевыми характеристиками которой являются скорость и разнонаправленность знаково-информационных манипуляций. Необходимость теоретического и мировоззренческого определения данных понятий и всего, связанного с ними, комплекса гуманитарного знания усиливается и

в связи с тем, что сами эти понятия используются в качестве средств информационной манипуляции. Категории нравственности, духовности, творчества трансформируются в удобоваримые знаково-брендовые и товарно-инструментальные явления, используемые то ли в имитационно-теоретических, то ли в пропагандистско-политических технологиях с четко выраженными утилитарными целями.

Методологической базой исследования будут две мировоззренческие традиции, в одной из которых создается основа для творческого осмысления понятий, связанных с категориями духовности и нравственности, а во второй — проводится теоретическая рефлексия, связанная с положением человека в мире информационно-знаковых отрывков и импульсов. Первая традиция — экзистенциальная, широко представленная в XX веке, например, Н. Бердяевым, К. Ясперсом, Ж.-П. Сартром и многими другими, дает нам возможность определять духовность как личностную, нравственную силу, энергию человека, направленную против внешнего насильственного принуждения, чем бы оно не совершалось — природой, обществом, техникой и т. д.

Вторая традиция, представленная такими философами, как Ж. Бодрийар, З. Бауман, М. Кастельс и др., ищет пути определения сил, управляющих человеческой жизнью и поведением в мире информационной бесосновательности, безисторичности и неопределенности. Современный мир в теориях данных философов представляется неупорядоченным скоплением информационных сред, ничем между собой не связанных — ни общими смыслами, ни общими темпорально-временными характеристиками. Такой мир в основе своей имеет парадоксальность, которую также можно назвать и бесосновательностью, ведущей к самоотрицанию любых определяемых понятий. Так, Зигмунд Бауман пишет о парадоксальном разрушении непрерывности эволюционно-революционного развития: «Новизна нашего времени состоит в том, что периоды сжатых и ускоренных перемен, именуемые „революциями“, больше не являются „прерываниями рутины“. Они больше не являются краткими интервалами, отделяющими друг от друга „обустроенные“ эпохи, эпохи относительно стабильных, повторяющихся форм жизни, которые делают возможными долгосрочные предсказания, планирование и построение сартровских „жизненных проектов“. Мы живем сегодня в состоянии перманентной революции. Революция — это форма жизни сегодняшнего общества. Она стала нормальным состоянием» [1, с. 24]. Вот один из примеров парадоксальности современного времени, в котором революционность отождествилась с рутинностью. В таких парадоксах пребывает весь современный

мир, так как в информационно-знаковом своем проявлении он является всевозможностным, что порождается, прежде всего, смысловой несвязанностью различных информационных сред.

Каким образом понятие духовности соотносилось с временностью бытия человека? Личностные силы, творческие потенции непосредственно формировались, с точки зрения экзистенциальной философии, в среде времени: человек в своей нравственной энергетичности был соединяющим, целостнообразующим звеном между прошлым, настоящим и будущим. Прошлое, посредством памяти, определяло заложенные в нас ранее энергетические возможности познания, поведения, восприятия прекрасного и т.д. «И так как память есть первичный факт личности и с ней связано единство „я“, то припоминающее сознание есть вбирание всего мира и всей истории во внутреннее существование моего „я“» [2, с. 289]. То есть, способность человека сознательно направляться в прошлое была одним из обязательных условий формирования целостности личности. Другим таким условием была необходимость творческого осмысления своей будущности. Грусть, радость, позор или гордость, пришедшие из нашего прошлого; надежда, страх, ожидание, терпение, направленные в будущее, являлись теми необходимыми условиями, которые создавали настоящего человека, его нравственно-духовные возможности, его силу воли и бытийственные устремления. В экзистенциализме человек пребывал лишь в целостности прошлого, настоящего и будущего, то есть во временном измерении.

Человек, не желающий затрачивать личностные, нравственные усилия, имел возможность избежать этого, укрывшись за определенностью и объективной установленностью социальных ролей, технологических установок, моральных догм, устанавливаемых тем или иным обществом. «Различные замаскированные формы неясности, возмущения, мнимой правдивости, неуверенности мнения и воления должны были служить сохранению определенной структуры существования или отрицанию ее в удобной прямолинейности. Они создали такую атмосферу, которая вносит соблазн в существование индивида, побуждая его бежать от самого себя, приняв признанный образ деятельности, необходимый для всеобщего блага. В структуре существования это всеобщее благо как будто со всех сторон идет мне навстречу, чтобы освободить меня от самого себя как притязания на самобытие» [6, с. 390]. Тем не менее, отказавшись от возможности самоидентификации, скрывшись за механизмами «мнимой правдивости», человек не терял потенциала нравственного самовозрождения. Экзистенциаль-

ный человек определялся именно тем, что любой момент в его жизни он мог превратить волевым, духовным усилием в момент единства прошлого, настоящего и будущего. Полностью закрепощенный социально-техническими инструментами и ролями, отказавшись от самотворческой энергии, человек не терял возможности обернуть всё вспять, ведь ему принадлежало и прошлое, и будущее, объединенные в настоящем, как сферы реализации духа, нравственности, творчества.

Мир знаково-информационных сред такого человека принять не смог, так как целостное восприятие разносмысловых и разноструктурных информационных реальностей просто невозможно. Знаково-информационная цивилизация потребовала от человека трансформироваться в элемент постоянного перемещения между информационными отрывками, в каждом из которых от человека требуется инобытие, отличное от требований предыдущих отрывков. При этом, такая «предыдущность» не является временной. Человек вполне способен сегодня находиться в нескольких информационных средах «одновременно», при этом течение времени в каждой из них может быть разнотемпорально. Многие из этих сред могут представлять человеку возможность ощущать иллюзию самотворчества, нравственного самостановления, но сам процесс перемещения между смыслоотталкивающими отрывками отрицает возможность становления целостной личности. В этом еще один парадокс существования современного человека: ощущая освобождение своей нравственной энергии в какой-либо из информационных сред, он занимается лишь самоуспокоением, позволяющим в иных отрывках забыть о самостановлении, тем самым отрицая целостность и свободу личности. Такая парадоксальность очень удобна и это самодовлеющее удобство сегодня определяет наше бытие.

Мы перешли в мир, в котором удовлетворяемся отрывочными формами самореализации, не стремясь к формированию целостной личности. «Цепочки тонко, но широко распространенных минутопий, включенных в реальность, представляют собой „второе лучшее“, замену большой утопии (которая всегда находится в вечном конфликте с реальностью, отказывающейся прогибаться под нее) „для бедных“» [1, с. 42]. Обедневшие нравственно, мы способны не заботиться этим, так как в отдельных «минутопических» информационных отрывках легко можем представиться себе в качестве одухотворенных и творческих личностей.

Время в таком мире утрачивает всякую ценность (и это тоже парадокс, ведь основной ценностью сегодня выступает скорость перемещения информации), трансформируясь в явление разнонаправленное,

коллажное, составное и прерывное. Любой процесс сегодня возможно разбить на удобные темпоральные интервалы, и при помощи информационных техник делать с этими интервалами всё, что угодно: отбрасывать неудобные, перестраивать в необходимом порядке, обращать вспять и т. д., и т. п. Человек с раннего детства учится быть не сознательно-целостным, а разновременным, способным дробить и перемешивать смыслы, тем самым отрицая их. «Смещение времен в СМИ, происходящее внутри одного и того же канала связи и по выбору зрителя/участника взаимодействия, создает временной коллаж, в котором не только смешиваются жанры, но и их временная развертка превращается в плоский синхронный горизонт без начала, без конца и без какой-либо последовательности. Вневременность мультимедийного гипертекста есть определяющая черта нашей культуры, формирующая ум и память детей, получающих образование в новом культурном контексте. История сначала организуется в соответствии с доступностью визуального материала, а затем подчиняется компьютеризованной возможности выбирать в окнах мгновения, которые нужно склеить или разделить, в соответствии со специфическими потребностями. Школьное обучение, развлечения с помощью СМИ, специальные репортажи новостей или реклама организуют темпоральность так, как это им удобно, поэтому достижения культуры, извлеченные из всего человеческого опыта, лишены временной последовательности» [5, с. 563]. Парадоксальность информационного времени состоит в том, что и временем его уже невозможно назвать, скорее оно является набором темпоральных возможностей. Человек сегодня постоянно находится в разновременных реальностях, поэтому ни объективное, ни личностноформирующее время для него уже не важно. Даже наш организм и психика становятся независимыми от единства временной темпоральности (примером здесь может быть эффект, достигаемый при углублении в реальность компьютерной игры, когда геймер может сутками обходиться без сна, еды и воды). Учитывая то, что вся наша жизнь, состоящая из перемещений между информационными реальностями, превратилась в некое подобие компьютерной игры, наполненной квестами, переходами с уровня на уровень, остановками с записью, позволяющими продолжить с любого предыдущего места, наше биологическое и психологическое время тоже стало ненужной помехой.

Выход из временного мира стал для нас одновременно и выходом на новый уровень комфорта. Теперь нет необходимости не только стремиться к самостановлению на основе духовно-нравственной энергетичности, но даже нет возможности соприкоснуться со смыслами таких

понятий, так как эти смыслы непременно трансформируются в удобоваримые знаковые формы. Потребление этих знаков само по себе является отрицанием духовной силы, нравственной напряженности. Потребление это обеспечивается созданием информационных отрывков, в рамках которых с определенной долей трагизма, комизма, драматизма (кому что нравится) человек может «приложить нравственные усилия» с одной лишь целью — потребительского самолюбования. Такая «прививка» сегодня неизбежно ведет к нивелированию и устранению личностного самотворчества, которое и так невозможно из-за разнотемпоральности временного существования.

Еще одним сегодняшним временным парадоксом есть то, что такое явление, как скорость, становится внутренне отрицающим время. «Скорость создает чистые объекты, и сама по себе она также является чистым объектом, поскольку [...] ускоряет течение времени, стремясь к его полной отмене [...]. Скорость — это победа следствия над причиной, триумф мгновения над временем как глубиной, триумф поверхности и чистой объектности над глубиной желания. Скорость создает инициационное пространство, которое может нести в себе смерть и единственный закон которого — стирание следов. Торжество забвения над памятью, безоглядное опьянение, амнезия. [...] Это своего рода замедленное самоубийство посредством истощения форм, упоительный вид их исчезновения» [3, с. 73-74]. Соблазн забвения сегодняшний человек уже не способен преодолевать, так как с самого рождения его учат именно этому. Ничто в моем прошлом, что происходило в иносмысловом и инотемпоральном отрывке, не влияет на мое нахождение в другом информационном отрывке (даже если в «объективном» времени эти отрывки являются одновременными).

Такая парадоксальность информационного времени является причиной еще одного явления, связанного с понятийным, смысловым отрицанием нравственности. Нравственность всегда являлась энергетической основой поступка, то есть тем его началом, которое делало его личностным проявлением, фактом самотворчества. В среде же разнотемпоральных реальностей для любого поступка возможно найти необходимое обоснование без применения нравственной энергетике. Находясь «вне времени», не завися от прошлого и будущего, человек всегда найдет пример, образчик, оправдание, указание, необходимость совершения желаемого поступка в каком-либо из информационных отрывков. В конце концов, всегда можно переместиться в знаково-информационную среду, в которой желаемый поступок является приемлемым. Это приводит к тому, что современный (уже это слово звучит парадок-

ксально) человек всегда имеет ответ на любой возникающий вопрос. А постоянное присутствие ответа приучает нас к тому, что вопросы уже и не появляются. Без вопросов не на что отвечать, а значит, мы успешно избавились еще от одного неудобного признака нравственности — ответственности. Любые ответы предостоят поступку, и даже если я их не знаю, то я уверен в том, что они есть и при необходимости будут использованы.

Информационная предопределенность поведенческих моделей позволяет снять тяжесть ответственности, которая была основным проявлением человека в мире духовно-нравственной, энергетической значимости поступка. Дискомфорт совестливости устраняется очень просто, если считать, что совершаемый поступок — всего лишь повторение или использование заданной наперед знаковой модели. Не противоречивое «Я» становится источником поведенческой активности, а приветствуемые в определенной информационной среде знаковые стандарты и правила. Но как преодолеть постоянное чувство пассивности и апатии? Для этого всего лишь необходимо использовать знак имитирующий непрерывную активность. Такая искусственность существования, казалось бы, неизбежно должна вести к ощущению абсурдности и обреченности, но знаковая искусственность тем и хороша, что сама создает иллюзию значимости и важности тех функциональных перемещений, которые совершает человек-масса среди бесконечности знаковых сред.

Более того, дискомфорт абсурдности преодолевается при помощи имитации бинарного смыслового единства «жизнь–смерть», которое наполняло нравственной энергией существо, осознающее свою конечность. Смерть, то есть временность бытия, для человека, жившего в мире смыслонаполненности поступка, была явлением, с абсолютностью которого соотносилась каждая из поведенческих моделей. Нравственная сила требовала высвобождения тем активней, чем значимее становилось стремление к поведенческому преодолению своей конечности, временности. Симуляцией смерти и, следовательно, симуляцией смыслового наполнения поступка становится переход из одной информационной среды в другую. Покидая знаково-информационный отрывок, человек переживает иллюзию смерти, чем приписывает себе способность к оценке и осмыслению совершенных в нем поступков, тем самым, превращая себя в высшую силу по отношению к самому себе. Находясь в состоянии «после себя», человек идентифицирует себя с божеством, способным судить и награждать. Пребывание в каждой следующей информационной среде является состоянием «пребывания

после смерти», чем снимается также этическая ответственность за свое прошлое, и человек попадает в мир разорванный не только информационно-пространственно, но и темпорально. Иллюзия способности самооценки и самоидентификации при отсутствии личностного наполнения поведения — основа комфортного существования человека в мертвом мире информации. «Жизнь в интегральный мир уже не вдохнешь, он умерщвлен, подвергся полной дедраматизации. И отныне уже никто не в состоянии возвыситься над ним, ибо этот универсум абсорбирует все, что ему трансцендентно, поглощает какое угодно свое изображение. Мы имеем дело со вселенной непосредственного соединения, склеивания вещей и их репрезентации, со вселенной, погружающейся в визуальное, в пространстве которого любой образ вовлекается в процесс образного становления мира. И это, пожалуй, самое опасное. Перед нами своего рода дьявольский метаболизм системы, которая переваривает любую критику, любую иронию, любое несогласие, которая фрактализирует абсолютно все, с чем сталкивается. Здесь нечто происходит исключительно в режиме *on line*, и этим событиям на линии (*en ligne*) ничего не противопоставишь» [4, с. 75]. Мир, поглощающий любой поступок, не просто не принимает, а в принципе не знает, что такое нравственное обоснование поступка, ведь оно ведет к ответственности, а всеабсорбирующий мир не знает смысла такой категории, она снова же для него есть лишь удобоваримый знак.

Таким образом, духовность как нравственное усилие в мире парадоксальности информационного времени является, опять же, самоотрицанием, парадоксально совершаемым. То есть, она является лишь знаком в той или иной информационной реальности, предназначенным для выполнения определенной потребительской функции, — самоуспокоения, самолюбования, знакового предопределения поступка и т. д.

Может ли нас удовлетворить такое определение духовности? Оно нас уже удовлетворяет, так как в информационном мире, благодаря его всепоглощаемости и всевозможности, мы не можем быть неудовлетворенны. Разнотемпоральное время позволяет нам в случае малейшего дискомфорта переместиться в реальность, темп знаково-информационной манипуляции которой подходит нашим требованиям. Само теоретическое рассмотрение проблемы духовности в мире знаково-информационных реальностей являет собой лишь самоуспокоительную процедуру, позволяющую нам достичь приятного самоощущения внутренней силы, «нравственной напряженности». И это является всего лишь еще одним из парадоксов нашего пребывания в мире разнонаправленного и разнотемпорального времени, позволяющего нам без-

болезненно воспринимать любые проявления противоречивости.

1 Литература

- [1] *Бауман З.* Город страхов, город надежд // Логос. — 2008. — № 3. — С. 24-53.
- [2] *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. — М.: Республика, 1994.
- [3] *Бодрийяр Ж.* Америка. — СПб: Издательство «Владимир Даль», 2000.
- [4] *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
- [5] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
- [6] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. — М.: Республика, 1994.

Надійшла до редакції 27 лютого 2010 р.